Игра в обороне

Автор:
Кендалл Райан

Игра в обороне

Кендалл Райан

Запретное желание

Что делать, если единственная девушка, которая заставляет сердце Джастина Брэди биться чаще, – сестра его лучшего друга? Взять себя в руки и ни в коем случае не смотреть в ее сторону!

Во всяком случае, попытаться.

Попытаться завтра.

А сегодня можно неплохо погулять с друзьями, расслабиться и… провести с ней ночь.

Элиза давно влюблена в лучшего друга своего брата. Она хранит это в секрете, ведь уверена, что, во-первых, ее брат никогда не одобрит таких отношений, а, во-вторых, Джастин не воспринимает ее всерьез.

К счастью, Элиза сильно ошибается насчет Джастина.

К несчастью, они оба невообразимые упрямцы, и теперь, чтобы быть вместе, им придется не только открыть свои чувства, но и сыграть в обороне.

Кендалл Райан

Игра в обороне

Kendall Ryan

PLAYING FOR KEEPS

Copyright © 2019 by Kendall Ryan

Cover Design by Uplifting Author Services

© Наталья Болдырева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Плейлист

«No Tears Left – to Cry» – Ariana Grande

«Sit Next to Me» – Foster the People

«Pardon Me» – Incubus

«First» – Cold War Kids

«Midnight City» – M83

«I Miss You» – Blink 182

«Can’t Hold Us» – Macklemore – и Ryan Lewis

«Sail» – Awolnation

Глава 1. Недисциплинированные хоккеисты

Джастин

На моих коленях сидит красивая женщина.

Я не знаю ее имени и чем она занимается, где она выросла.

Я знаю, что она пахнет текилой… и то, что мы с текилой никогда особо не сочетались.

Но для красотки все это не имеет значения.

Единственное, что важно: я профессиональный хоккеист, и потому она готова трахнуть меня. Такая себе перспектива.

Не поймите меня неправильно. Мне нравится женское внимание, но в последнее время вся эта драма кажется мне такой банальной, будто я уже был тут, видел подобное и даже получил футболку с соответствующим слоганом. Я даже не уверен, что красавица знает мое имя. Но я уверен, что она в любой момент назовет мой номер в команде. Наверное, поэтому женщин называют охотницами за номерами или, в хоккее, кроликами с шайбой.

– Джастин, мать твою, Брэди! – кричит Оуэн, мой лучший друг и сосед по комнате, из гостиной. – Бери выпить и тащи сюда свои яйца.

Я киваю и показываю ему большой палец.

– Прошу прощения… – говорю я крошечной брюнетке, пробегающей пальцами по моей груди.

Она улыбается, глядя на меня коварными голубыми глазами. Помедлив минуту, она спрыгивает с моих колен, и я соскальзываю с барного стула.

– Если хочешь сегодня забить, я – верный шанс, красавчик, – шепчет незнакомка, кокетливо подмигивая.

Я потираю рукой подбородок. Это дерьмо действительно уже устарело.

– Я в порядке. Но спасибо.

Уверен, мои слова прозвучали достаточно грубо, но что поделать.

Уходя, я чувствую на себе ее взгляд.

* * *

К тому моменту, как я добрался до дома, вечеринка уже была в самом разгаре. Мраморные столешницы заставлены пустыми пивными бутылками, в основном импортными или из-под дорогого крафта. На островке стояло несколько бутылок ароматизированной водки и фруктовые коктейли – попытка Оуэна проявить галантность по отношению к скудно одетым дамам, которые разбрелись по квартире и в большинстве своем примостились на коленях у игроков или разлеглись на секционном диване в гостиной.

Может, я и похож на старика в возрасте двадцати восьми лет, но это все меня уже не развлекает. В иные ночи я просто хочу лечь спать… один, в благословенной тишине и спокойствии. Да, это официально – мне пора подать документы в Американскую ассоциацию пенсионеров и сдать карту мужских достижений… немедленно.

Подхватив банку пива, я направляюсь в гостиную. Парни сегодня не в форме. Полагаю, когда выигрываешь чемпионат, такое случается.

– Это и правда Джастин Брэди? – слышу я вопросы за спиной, проходя через кухню.

Конечно же, выгляжу я иначе без двадцати фунтов хоккейной брони, но циник во мне думает, что все игроки для девушек абсолютно одинаковы. «Похвались тем, что заполучила профессионального хоккеиста» – прямо-таки название игры. Не то чтобы звание чьего-то трофея вызывало во мне раздражение, но пока я пробираюсь сквозь тела, что-то в этом меня раздражает.

Наш звездный центровой Ашер тянется, чтобы ударить кулаком о кулак.

– Играл сегодня потрясающе!

– Спасибо, чувак.

Кто-то вручает мне рюмку, и я опустошаю ее, не потрудившись выяснить, что там.

Большая часть команды не просто празднует сегодняшнюю победу. Они празднуют тот факт, что межсезонье только началось, а лето и сумасшедшие тусовки – не за горами. Что до меня… меня это не особо радует.

Я питаюсь хоккеем, пью его и дышу им, и мысль о шести неделях без строгого графика, способного меня занять, – мой личный филиал ада. У меня было не самое легкое детство, а то, что моя семья распалась, лишь заставило меня играть быстрее, бороться сильнее, рисковать больше. Впрочем, именно поэтому мы сегодня и празднуем победу.

Тем не менее, когда два человека, обязующиеся безоговорочно любить ребенка, используют его как пешку в своих больных играх, это искажает восприятие любви. Я не подарок, не принц, и я знал это, знал лет с шести. Собственно, за последние двадцать лет ничего не изменилось. Женщины хотели меня благодаря моему члену, против чего я не возражал.

В любом случае мне больше нечего им предложить.

Я занимаю половину дивана и работаю над тем, чтобы прикончить свое пиво. Тедди Кинг, наш лучший форвард, да и вообще один из лучших игроков, взасос целуется в углу с девчонкой.

– ТиКей, валите уже в спальню! – выкрикивает кто-то.

Я ничуть не удивляюсь, увидев Оуэна на диване с двумя блондиночками на коленях. Оуэн – мой лучший друг, но этот чувак – известный ходок.

– Надеюсь, вы, леди, умеете делиться? – спрашивает он сквозь грохот музыки. Блондинки улыбаются друг другу, и одна из них подмигивает ему.

– И что мы будем делить?

– Мой член, – без тени стеснения отвечает он.

Девушки начинают хихикать так, будто он только что сморозил самую смешную шутку в мире.

Я закатываю глаза и открываю следующую банку пива.

Оуэн под два метра ростом. Более того, он самый настоящий качок. У него растрепанные каштановые волосы и щетина, которую он не сбривал с тех пор, как мы вышли в плей-офф. Он один из талантливейших вратарей во всей лиге, а еще он ведет себя как кусок дерьма. Он груб, но заслужил такое право. Оуэн умело пользуется своими преимуществами и известен как виртуозный дамский угодник. А девчонки… они упиваются этой чушью. Обычно, чтобы выпустить пар и отпраздновать победу, я делаю то же самое, но сегодня я никак не могу очистить голову, чтобы расслабиться. Я больше, чем твердый член. Я больше, чем хоккеист с клюшкой. Но людям плевать. Черт, я даже не уверен, что сам так считаю.

Единственный, кто выглядит так же обеспокоенно, как я, – младшая сестра Оуэна, Элиза. Она стоит в другом конце комнаты, скрестив руки на груди и сжав губы в тонкую линию. Мы втроем росли вместе в нескольких часах езды отсюда, в центре Вашингтона. Я знаю ее с тех пор, как она была властной первоклашкой со щелью между передними зубами и всегда носила эти блестящие туфли из

лаковой кожи и платья с оборками.

Ее внешность и стиль в одежде изменились совсем немного. Ее характер – ничуть. Не сомневаюсь, что она злится из-за того, что вечеринка вышла из-под контроля. Уверен, она первая возьмется утром нянчиться с выходящими из пьяного анабиоза ребятами и помогать убирать квартиру. Тут по меньшей мере пятьдесят человек, и я знаю едва половину.

Через несколько секунд, будто подслушав мои мысли, Элиза подходит и садится рядом на диван. Она кажется чертовски маленькой в этой мешковатой толстовке и обтягивающих легинсах. Она отличается от остальных девушек, ведь большинство из них одеты в черные платьица, едва прикрывающие их задницы, и слишком ярко накрашены. Иногда я забываю, что она уже выросла, в прошлом году окончила колледж и теперь считается… взрослой.

– Привет, Э! – Я салютую ей пивом.

– Привет. Поздравляю с победой!

– Спасибо, – бормочу я после очередного глотка. – Не пьешь?

– Я уже выпила пару бокалов, – отвечает она. Ее взгляд все еще шарит по толпе, будто она старательно избегает моего взгляда.

Знакомое чувство.

Обычно, когда я вижу нечто, чего мне хочется, я иду и беру это. Я всегда был таким. Так уж я устроен. Есть ли хоть одно исключение из этого правила?

Есть. И это Элиза Пэриш.

Она – моя бесполетная зона. Раньше она была милой младшей сестрой лучшего друга, но в последнее время что-то изменилось, и я думаю о ней уже не как о младшей сестре Оуэна, а как о ком-то большем.

Эта девушка одалживала у меня свитера и никогда не возвращала их. Стащила мои самые теплые перчатки и потеряла одну где-то между домом и катком.

Девчонка, которая, словно потерявшийся щенок, все наше детство ходила хвостом за мной и Оуэном, девчонка, рыдающая во время дурацких рекламных роликов.

Я понятия не имел, как сильно буду скучать по ней, пока не уехал в колледж. Первое время меня так затянули учеба, экзамены, хоккей и борьба за место в профессиональной лиге, что мое увлечение Элизой отошло на второй план, и я знал – это к лучшему.

Но все же, несмотря на мои усилия, в какой-то момент она выскользнула из френдзоны и превратилась в сексуальную женщину, от вида которой мой член ныл. Это было опасно. Оуэн дал ясно понять, что его сестра – вне зоны досягаемости для любого парня из нашей команды.

Мой взгляд снова скользит к ней, и у меня перехватывает дыхание. Она прекрасна, опьяняюще красива. А еще она умная. И дерзкая. И она разбирается в хоккее лучше, чем большинство парней. Бог свидетель, она росла, проводя на катке столько же времени, сколько и мы с ее братом. Тот факт, что я профессиональный хоккеист, не производит на нее никакого впечатления, и это в ней самое лучшее. Я просто могу быть собой.

– И насколько же ты вне себя? – спрашиваю я, не в силах скрыть любопытство в голосе.

Элиза качает головой. Я безошибочно угадываю усмешку на ее губах.

– По шкале от одного до «я убью Оуэна»?

– Конечно. – Я приканчиваю оставшееся пиво и жду ее ответа, но она молчит, лишь раздраженно вздыхает. Так что я хватаю еще пиво из упаковки, стоящей на полированном деревянном полу у моих ног.

– Хочешь? – Я предлагаю ей пиво, но она отказывается.

Я осушаю половину, наблюдая, как Ашер и Тедди флиртуют на балконе с группой девчонок. Они посматривают на джакузи, которое – уверен в этом на сто процентов – завтра будет полно плавающей спермы.

Фантастика, мать вашу.

– Твоим бестолковым корешам лучше не лезть в джакузи с этими зайками, – едва слышно подмечает Элиза.

Я сглатываю смешок и согласно киваю.

– А ты наблюдательна, Э, – бормочу я, чувствуя, что пьянею.

– Еще бы. Кто-то же должен следить за вашей командой идиотов.

Я внимательно смотрю на нее всего секунду. Длинные темные волосы спадают через плечо. Серые глаза, прожигающие меня насквозь, сверкают, а пухлых губ, из-за которых в моей голове вечно полно дурных мыслей, касается мягкая улыбка.

Впрочем, я никогда не позволял себе любоваться ею. Не стану начинать и сейчас. Я перевожу взгляд на бутылку пива в своих руках.

Когда Элиза рядом, мои нервные окончания искрят чувством, которое я не могу объяснить. Я чувствую себя живым. Грубым. На грани.

И, что греха таить, дико возбужденным.

Мне нужно успокоиться, но в груди бушует безрассудство.

Неуравновешенность.

– Знаешь, что может исправить ситуацию? – спрашиваю я, украдкой бросив на нее еще один взгляд.

– Что?

– Водка.

Элиза качает головой:

– Не-а.

– Ну же, восьмиклассница!

Мы одновременно усмехаемся. Старое прозвище, которое я дал Элизе в восьмом классе, до сих пор задевает ее за живое.

– Я порежу лимоны, а ты достанешь рюмки? – принимает вызов она.

Мое сердце начинает биться быстрее, когда она дерзко улыбается.

«Черт подери, я знал, что все еще способен на это».

Я улыбаюсь в ответ.

– Заметано.

Глава 2. Водка была ужасной идеей

Элиза

В это время я уже должна была спать. Так почему я еще не ушла домой?

Ах да, потому что я нянчусь со своим братом-идиотом и его товарищами по команде. Как и всегда.

И учитывая, что сегодня они выиграли национальный чемпионат, у них очень праздничное настроение. Вечеринка началась в спортивном баре рядом с катком, но когда веселье стало слишком безумным, чтобы оставаться публичным и протекать на виду у некоторых слишком ярых фанатов, мы перенесли вечеринку в пентхаус моего брата Оуэна и его лучшего друга Джастина.

Оуэн – мой отвратительный брат-потаскун – лапает на диване какую-то блондинку. В то же время он умудряется провести языком по горлу второй. Что самое печальное в этом? Мне, вероятно, придется вышвыривать их обеих из его постели завтра утром.

Потрясающе.

ТиКей и Ашер сидят в джакузи, кажется, с пятью девчонками. Нет, забудьте, их там шесть! Голова одной только что вынырнула из-под воды.

Охренеть, как потрясающе.

Никогда больше не сяду в это джакузи.

Джастин пока никого не склеил, и я лишь жду, когда это случится. Этим вечером он был странно печален и угрюм, и я, черт возьми, не знаю, что с ним происходит.

Но я точно знаю, выпитые с ним рюмки – плохая идея. Одна стопка – наша общая вина, но остальные – уже моя. Я знаю свой предел, и пить с Джастином – черта, которую не следовало переступать.

Мне следует видеть в нем не больше, чем мерзкую шлюшку мужского пола или своего второго брата… но я никогда не воспринимала Джастина Брэди как брата. Во-первых, мое предательское тело реагирует на него совершенно неестественно. Так сильно, что все мои женские прелести покалывает, и я почти уверена, что на моих трусиках появилось мокрое пятно от того, как он улыбнулся и убрал за плечо мои волосы, наблюдая, как я в сотый раз осушаю рюмку и посасываю ломтик лимона.

А еще есть сердце, которое колотится быстрее, когда он рядом, и ведет себя глупо: например, болит за него, когда он неудачно падает на лед. Оно как будто кричит: «Прошу, не сломай ничего восхитительного или важного».

И наконец, есть моя голова, которая, без сомнения, знает, что этот человек вреден для меня. Моя голова побеждает, а значит, я поднимаю себя с дивана, оставляя его приканчивать большую часть водки в одиночестве. Все остальные

пьют, чтобы праздновать, и лишь Джастин пьет так, будто пытается заглушить неописуемую боль, которая – я знаю это – не имеет отношения к хоккею.

Я всегда была очарована им, его спокойной уверенностью, его самоотверженностью и тяжелой работой на льду, его с трудом завоеванными улыбками и случайным вниманием.

То, как он изменялся, пока мы становились старше, лишь усугубило ситуацию. Мальчишка, который дергал меня за хвост и прятал моих кукол, из долговязого подростка превратился в мужчину. Мужчину с такими рельефными мускулами и прессом, что у меня подгибались колени.

Уже поздно… или рано, это как посмотреть, и примерно половина гостей уже разошлась. Команда и их зайки еще тут, но я предполагаю, что скоро они начнут спариваться и исчезать в спальнях. Я занимаюсь уборкой на кухне, выбрасывая пустые бутылки и собирая в пакеты мусор, оставленный на столах.

Оуэн с двумя блондинками исчез. Дверь в медиазал закрыта, куда он, вероятно, и повел их из-за странного правила не тащить в свою постель случайных девушек. Пьяный секс на публике – то еще зрелище, особенно когда один из участников – твой брат, так что я благодарна за то, что они за стеной и я увижу их прелести только утром, когда буду разгонять по домам. Уже через несколько часов. И да поможет мне бог. Тедди и Ашер все еще в джакузи с группой девушек, а Джастин – на диване, где я его оставила.

Я уже выпила больше, чем следовало, и думаю, что, вероятно, пора сказать «спокойной ночи» и отправиться домой. Швырнув еще несколько пустых бутылок в мусорное ведро, я опираюсь одним бедром о стойку и вытаскиваю из заднего кармана сотовый, чтобы вызвать такси. Но сначала мне нужно наведаться в уборную.

Гостевая ванная в коридоре занята, и, подождав несколько минут, я снова стучу, так никого и не дождавшись.

Внезапно я слышу стон, доносящийся изнутри.

«Фу. Неужели это слишком – рассчитывать на то, что присутствующие будут вести себя прилично?»

План «Б».

Я направляюсь в спальню к Джастину в конце коридора, чтобы воспользоваться его уборной. Мне очень хочется в туалет, и я не дотерплю двадцать минут до дома. Плюс я знаю, Джастин не будет против.

Войдя, я не могу сдержать глубокого вздоха. Его комната пахнет им. Его запах не поменялся за все те годы, что мы знакомы. Этот запах – сочетание мужского пота, чистого хлопка и мыла. Это так удивительно, что я нахожусь в его личном пространстве одна… и я не шевелюсь дольше, чем следовало бы.

Что я могу сказать? Я настолько жадная.

Тут чисто, вещи разложены по местам. Его огромная постель застелена пушистым белым покрывалом, а на комоде аккуратно выстроилась горстка личных безделушек. Зарядка для телефона. Бумажник. Часы на кожаном ремешке. Флакон одеколона. Маленький ежедневник. Планшет.

Мне внезапно становится любопытно: смотрит ли он порно на этом планшете, когда ложится в постель. Понятия не имею, что со мной не так, но эта совершенно греховная мысль всплывает в моем мозгу и отказывается его покидать. «Боже, Элиза. Возьми себя в руки».

В углу притаилось громоздкое кожаное кресло. Рядом с ним – торшер, тускло освещающий путь к двери ванной в дальнем конце комнаты.

Добравшись туда, я включаю свет, а затем выключаю лампу в спальне. Трата электричества – мой первый пунктик в списке раздражающих вещей. Лампы, горящие в пустой комнате, – на вершине хит-парада.

Я вхожу и делаю свое дело, не осмеливаясь, но страстно желая задержаться над бутылками с мужской косметикой на умывальнике. Крем для бритья. Зубная паста. Дезодорант неизвестной мне марки.

Звук из-за двери привлекает мое внимание. Я быстро мою руки и выхожу, надеясь, что не помешала Джастину затащить в постель девушку. Мысль об этом – как кинжал, вонзенный в чертово сердце. Открываю дверь и, вместо того

чтобы обнаружить Джастина с девушкой, как я предполагала, вижу только его. Он сидит на краю матраса, обхватив голову руками. Я не уверена, что помешала ему, но мне ясно, что он хочет отдохнуть, а это значит, мне стоит заявить о своем присутствии и уйти со сцены.

– Прости. Мне нужно было лишь воспользоваться ванной. Я пойду, – говорю я, пересекая комнату.

Но когда я пытаюсь пройти мимо, его сильная рука дотягивается до меня, хватая за бедро. Я останавливаюсь перед ним, дыхание перехватывает.

– Останься, – говорит он, все еще не поднимая глаз.

Я надеюсь, он пошутит, может, назовет меня одним из моих старых прозвищ, которые он не использует уже какое-то время. Восьмиклассница. Беспечная Э. Но он этого не делает.

– Что? Что случилось? – Мое сердце выбивает неровный ритм, пока я жду, когда он ответит.

И он отвечает… только не словами.

Рука скользит по моему бедру и останавливается, не доходя до талии. Его хватка удерживает меня на месте, но он не двигается. Все мое тело покалывает. Это ведь Джастин, лучший друг и сосед моего брата! И, несмотря на все мои многочисленные мечты и фантазии об этом моменте, он никогда, ни разу, не прикасался ко мне так. Все, о чем я могу думать, помимо мыслей о дальнейшем маршруте его рук, это то, что он так же возбужден, как и я, а водка никогда не демонстрирует истинных чувств, лишь подталкивает к неверным решениям.

Мои легкие горят от напряжения. Чувствую себя так, будто только что пробежала милю. Я делаю глубокий вдох, но прежде чем успеваю сказать что-то еще, он поднимается и нависает надо мной – великан под два метра ростом, накачанный и внушительный. Плечи у него такие широкие, что я кажусь себе крошечной. Неуверенной в том, что я вообще здесь забыла.

Но затем его руки поднимаются к моему лицу, обхватывают подбородок мозолистыми ладонями, и я опять забываю, как дышать.

– Останься, – снова шепчет он.

Внезапно я жалею, что выключила лампу. Я хотела бы видеть сейчас выражение его лица. Его голос звучит мучительно, как никогда, и лунного света едва хватает, чтобы видеть его глаза.

Его большие пальцы медленно скользят по моей коже. Он поглаживает мою нижнюю губу.

– Что? – еле слышно спрашиваю я.

Джастин, не открывая глаз, опускает голову, и его лоб прижимается к моему.

Не уверена, что хоть раз видела его таким ранимым. Таким открытым. Обычно он полон мужской энергии, расслаблен и контролирует ситуацию. Но сегодня, в этот вечер, я чувствую, что в любой момент он может расклеиться, и это беспокоит меня и будит во мне материнские инстинкты.

– Скажи, чего ты хочешь? – шепчу я, опуская руки ему на талию. Он такой твердый под моими ладонями.

– Тебя, – хрипит он грубым голосом, – на постели.

Я даже не думаю о том, чтобы отказать ему в просьбе, это вообще не имеет смысла, ведь у нас раньше никогда не было ничего подобного. Я сажусь на край кровати, Джастин опускается рядом, но вместо того, чтобы позволить мне остаться там, где я приземлилась, он поднимает меня, сдвигает к центру и поворачивает к изголовью, а сам растягивается сбоку.

Он большой и мускулистый. Странно находиться так близко. Я даже не представляла, каково это, несмотря на все мои многочисленные фантазии. Его каштановые волосы растрепаны, а темно-синие глаза закрыты. Но, боже, он просто великолепен со своими мощными плечами, руками, грудью, созданной для того, чтобы прижиматься к ней, и идеальными кубиками пресса.

– Ты такая мягкая, – говорит он, и его голос полон удивления, когда его ладонь проскальзывает под мою рубашку и опускается на живот.

Мои легкие замирают, когда его ладонь скользит вверх по моей груди, пальцы касаются горла. Затем рука его движется вниз, вниз, мимо пупка, пока не останавливается над лобком. Моя киска такая горячая и чувствительная, и – о боже – я так хочу, чтобы его рука опустилась ниже. Но он не двигается. Его ладонь лежит у меня на животе, и я поворачиваю лицо к нему.

– Джастин? – Я произношу его имя всего за секунду до того, как его губы накрывают мои.

Его поцелуй невинный лишь сначала, а затем его пальцы зарываются в мои волосы, и он целует меня глубже.

Мои губы раздвигаются для него, и Джастин пользуется этим, скользя своим языком по моему. В его поцелуях – все, о чем я мечтала: они голодные, горячие, сильные. Во мне разгорается искра желания.

Наши языки охотно переплетаются, в его груди вибрирует рокочущий звук. Все мышцы сжимаются. На вкус он как водка с лимоном и все греховные удовольствия, какие только можно представить, и, боже милостивый, я хочу целовать его вечно.

Глава 3. Утро следующего дня

Элиза

У меня такое чувство, будто я попала в автомобильную аварию: болит все, от раскалывающейся головы до необъяснимо ноющих мышц ниже пояса. Во рту сухо, и когда я моргаю, открывая глаза, приходится сосредоточиться на дыхании, чтобы успокоить тошноту.

В чьей постели я заснула?

Я переворачиваюсь, и мне требуется несколько секунд, чтобы осознать, где я, черт возьми, нахожусь.

Паника накрывает меня сразу, как только фокусируется взгляд.

Я вижу, что рядом со мной спит голый Джастин Брэди.

Широкая, слегка загорелая спина, аппетитная задница. Твердая и восхитительная. Тысячи мысленных образов одновременно врезаются в мой мозг. Мои руки на этой твердой, округлой попке, когда он входит в меня. Эти стройные бедра, двигающиеся между моих раздвинутых бедер.

Я всхлипываю и сползаю с постели в поисках своей одежды. И в поисках своего здравомыслия. Что, черт возьми, я делала прошлой ночью? Я помню, как пришла сюда, чтобы воспользоваться ванной. Помню, как Джастин с мрачным видом сидел на кровати. Затем помню, как целовала его. О боже, поцелуи. Я чувствую слабость при воспоминании о его горячем влажном языке, скользящем по моему языку.

Сначала я нахожу свои трусики и натягиваю их – наизнанку, но кого это сейчас волнует. Следом надеваю бюстгальтер и свитер. Свитер с номером моего брата на спине. О боже, Оуэн! Он убьет меня, если увидит, как я выхожу из комнаты Джастина. Хотя, вообще-то, сначала он убьет Джастина. И это будет кровавое убийство. Только не сегодня! Я так много выпила, что, если увижу месиво, меня точно стошнит прямо на пол.

Моих легинсов нигде нет. Я не могу выйти без штанов! «Твою мать. О чем я думала?» Я всегда хотела Джастина. Но тайно желать его и переспать с ним – две очень, очень разные вещи!

И все же я отчетливо помню, что была той, кто проявлял инициативу. Мы целовались на кровати, и это я сняла его рубашку, а затем его руки прошлись по моей талии, ребрам, плечам. Я первой сунула руку ему в штаны. Словно подлила масла в огонь, тихо горевший между нами.

Насколько он был пьян? Гораздо пьянее меня, определенно. Неужели я воспользовалась его слабостью?

Как раз в тот момент, когда у меня начинается полномасштабная паническая атака, я замечаю легинсы. Они запутались в простынях. В голове у меня всплывает воспоминание о Джастине, стоящем передо мной на коленях и медленно снимающем их. Я была так разгорячена, так готова к нему. Я помню, с каким удовольствием атаковала пряжку его ремня, пытаясь освободить его эрегированный член.

О боже мой. Его член.

Теперь, когда я представила эту картину, мне ее уже не развидеть. Память о его стальном члене и тяжелых шарах – не то, о чем мне бы стоило фантазировать, но эта беспомощная мольба, сорвавшаяся с губ Джастина в момент, когда я обхватила его дружка в первый раз, пробуя вес на ладони… Я медленно повела рукой вверх по стволу, Джастин судорожно выдохнул, и все его тело задрожало.

Мое сердце начинает биться чаще. Я зажмуриваюсь и резко выдыхаю.

«Сосредоточься, Элиза! Ты не можешь сейчас думать о его члене. И ты уж точно не можешь думать о том, каков он был на вкус и как ощущался…»

Я подхожу на цыпочках к кровати, беру легинсы и быстро натягиваю их. Джастин вздрагивает от этого движения, приподнимаясь на локте, чтобы посмотреть, кто его разбудил. Его темные волосы взъерошены после сна, но голубые глаза смотрят ясно и внимательно. Утренняя щетина покрывает его мощный подбородок, а грудные мышцы – безупречны.

Не помню, чтобы я использовала слово «безупречный», надеясь описать кого бы то ни было, но, поверьте, это прилагательное ему подходит.

Его глаза округляются, когда он видит меня, стоящую у кровати, обнаженную ниже пояса. Он дважды моргает.

– Элиза? – Голос у него хриплый и грубый, и мой желудок сжимается.

– Да?

Осознав, что не одет, Джастин резко садится, натянув простыню, дабы прикрыть колени. Почувствовал внезапное смущение? Ага, очень смешно. Как будто несколько часов назад он не был внутри меня.

О боже…

Он все еще смотрит на меня, но ничего не говорит, пока я выпутываю легинсы из одеяла и надеваю их. Да, меня действительно может стошнить. «Черт, это ужасно».

Он проводит рукой по растрепанным волосам, его бицепс напрягается.

– Прошлая ночь… – Смущение отражается на его прекрасном лице, пока он пытается вспомнить, что же произошло, и, клянусь богом, если он ничего не скажет в следующие три секунды, я расплачусь.

Слезы наворачиваются на глаза, я делаю еще один судорожный вздох.

Какая-то часть меня хочет, чтобы он признал пропасть между нами. А еще я хочу, чтобы он рассмеялся или пошутил, мол, теперь мы действительно укрепили нашу дружбу, или сказал любые слова, которые сделают вчерашний вечер чем-то большим, чем просто колоссальная ошибка, темная метка! Я хочу, чтобы он сказал нечто успокаивающее.

«Что угодно, только не молчание».

Но он молчит, будто пытается осознать случившееся.

Молчание все тянется, и я ощущаю невообразимую неловкость. Если он забыл о прошлой ночи, я умру от унижения.

«Я что, настолько незапоминающаяся?»

– Ничего не случилось! – выпаливаю я, не в силах больше терпеть тишину.

– Точно. Ничего не случилось… – эхом отзывается он.

Джастин выглядит более расслабленным, чем я.

Мое сердце болезненно сжимается в груди. «Неужели он действительно ничего не помнит?»

Его телефон чирикает на прикроватной тумбе, но Джастин не совершает ни малейшего движения, чтобы взять его. Он по-прежнему смотрит на меня. Он все еще обнажен. И он не кажется обескураженным.

Неужели он действительно не помнит вчерашний вечер? Хоть отчасти? То, как он шептал в мою шею ласковые слова, прижимаясь раз за разом ко мне бедрами… Нет, об этом я не забуду никогда. Ощущение его тела, скользящего по моему, – это воспоминание, которое я не смогу стереть из памяти. Боль в ногах, покалывание в чувствительных частях тела пройдут, но не сомневаюсь, что моему израненному сердцу потребуется гораздо больше времени, чтобы восстановиться.

– Не паникуй, ладно?

– Я не паникую! – огрызаюсь я чуть быстрее обычного. Должно быть, он прочел панику в моих глазах, в моей напряженной позе, но я ничего не могу с собой поделать. Я в панике. И пугающе давно.

Его телефон снова чирикает, заполняя неловкое молчание между нами. Пустая упаковка от презервативов лежит рядом с его телефоном, и, о боже, я краснею как помидор. Я чувствую это.

– Тебе, наверное, стоит взять трубку. А я пойду, – бормочу я.

Непонятная эмоция мелькает на его лице, но он тянется к телефону, а я бросаюсь к двери, желая как можно скорее выбраться из этой гребаной ситуации.

Глава 4. Тайны

Элиза

В квартире тихо, пока я иду из гостиной в кухню. Слава богу, Оуэн еще не проснулся. Я предпочитаю совершить эту позорную прогулку в одиночестве. На самом деле я не знаю, смогу ли я когда-нибудь снова посмотреть в глаза своему брату. Прошлая ночь была совершенно не в моем характере.

Я нахожу свой телефон и сумочку там, где я оставила их, и поворачиваюсь к двери, когда замечаю движение в конце коридора, которое останавливает меня, охваченную чувством вины, и заставляет застыть на месте.

Это мой брат. Он одет лишь в спортивные шорты, его волосы торчат во все стороны.

– Привет, – говорит Оуэн, глядя на меня с любопытством. Голос у него хриплый спросонья, и он вытягивает руки над головой. – Ты оставалась тут на ночь?

– Нет! – быстро отвечаю я до того, как взять себя в руки. Мне приходится сглотнуть желчь в горле, прежде чем лгать дальше. – Я просто зашла узнать, не хотите ли вы кофе. Подумала, что у вас, наверное, похмелье.

– Ты, мать твою, лучшая, – хрипит Оуэн. Он либо не замечает, либо не обращает внимания на то, что на мне все еще вчерашняя одежда. – Мне нужен кофе. И таблетки от головной боли. И, может, утренний сэндвич от Тито? – спрашивает он, улыбаясь с надеждой.

Я закатываю глаза и вздыхаю. Это маленькая забегаловка, где мы все любим завтракать, но по воскресеньям там всегда полно народу.

– Хорошо. Но если мне придется отстоять в очереди к Тито, ты должен будешь прийти ко мне в класс в день карьеры и рассказать моим ученикам о своей работе.

– Заметано, – соглашается он.

– И платишь ты.

Оуэн идет за бумажником в спальню и достает оттуда свою черную карту, которую отдает мне без вопросов.

– Спасибо, сестренка.

– И я не хочу столкнуться ни с одной из твоих вчерашних побед. Избавься от них, пока я не вернусь. – Я прищуриваюсь и прячу карту в свою сумочку.

– Считай, сделано. – Оуэн никогда не позволяет своим зайкам оставаться надолго, но некоторые все равно задерживаются. Его взгляд падает на дверь спальни Джастина, которая все еще закрыта.

– Думаю, у Брэди тоже была ночная гостья. Слышал, как у них там все развивалось. Но, да, я выставлю всех до того, как ты вернешься.

Мое сердце бешено колотится в груди. Мой собственный брат слышал, как я трахалась с его другом прошлой ночью. А Джастин даже не помнит этого. Добро пожаловать в худший лучший день моей жизни. Хуже уже не будет.

Когда я возвращаюсь через тридцать минут, Оуэн и Джастин уже успели многое убрать. Я раздаю парням кофе и бутерброды на завтрак: Тедди и Ашер тоже все еще здесь, и все явно мучаются похмельем. К счастью, Оуэн выполнил свою часть сделки, поскольку ночные гостьи уже ушли.

Я потягиваю кофе и слушаю, как мой брат и Ашер обмениваются байками о своих подвигах минувшей ночью.

– Ты вчера исчез рано, Брэди, – говорит Оуэн Джастину, усмехаясь. – Что за горячая штучка была с тобой этой ночью?

Я жду, что Джастин посмотрит на меня, но, к счастью, этого не происходит.

– Не было никого, – отвечает Джастин так убедительно, что я верю, будто он действительно так считает.

Я держу себя в руках достаточно долго, чтобы не вызвать никаких подозрений, а затем выхожу, нырнув в коридор, где слезы начинают падать еще до того, как я

добираюсь до лифта.

Мне нужно бежать с места преступления, но я и не думаю ехать одна домой. Я пишу своей лучшей подруге, Бекке, пока еду к ней.

«Мне нужно выпить»

Она отвечает, когда я усаживаюсь на заднее сиденье «Убера». Она не берет на себя труд указать на то, что сейчас всего десять утра.

«Что стряслось?»

«Джастин, мать его, Брэди»

Она знает о моих чувствах к нему. Моя глупая тайная влюбленность никогда не была тайной для нее. У нас было мало секретов друг от друга, если они вообще были.

«О, детка»

Свое последнее сообщение она сопровождает смайликом с ножом, и я, словно сумасшедшая, издаю тихий смешок на заднем сиденье авто.

Несколько минут спустя водитель притормаживает и останавливается у ее квартиры, и Бекка втягивает меня внутрь, крепко обняв.

– Какого черта он сделал на этот раз?

Я знаю, она думает, что он сделал что-то бесчувственное, например прямо на моих глазах спутался с охотницей на хоккеистов. Правда, очевидно, гораздо хуже. И я не собираюсь выпаливать ее прямо на пороге.

Бекка ведет меня внутрь, затем останавливается на кухне, чтобы налить себе чашку кофе.

– Хочешь? У меня есть и водка, если ты всерьез писала об алкоголе.

– О боже, – я издаю стон. – Никогда больше не стану пить водку.

Я сама беру бутылку воды из холодильника и иду за Беккой в гостиную.

– Что, черт подери, произошло после того, как я уехала? – спрашивает она.

Бекка была с нами в баре после игры. Она близкая подруга и для моего брата, но не большая любительница вечеринок, поэтому решила поехать домой, а не возвращаться к Оуэну и Джастину.

Я тяжело вздыхаю. И я могла сделать то же. Пора сорвать пластырь.

– Я переспала с Джастином этой ночью. – Так странно говорить это вслух.

Рука Бекки вспархивает к губам.

– О боже. В смысле?..

– Да.

– Но… – начинает она.

– Да, – повторяю я.

– Что случилось? Я не понимаю.

Значит, нас таких двое. Я стояла в его комнате, а в следующую секунду – уже лежала на кровати, запустив руки в его волосы, а он целовал меня до потери сознания.

– Мы пили вместе. Он казался таким печальным. Это не похоже на него. Затем мы начали целоваться и…

В глазах у меня стоят слезы, и я быстро смаргиваю.

– Где это случилось? – спрашивает Бекка.

– В его спальне.

– Оуэн знает?

Я качаю головой, подтягивая ноги на диван.

– Никто не знает. Даже Джастин.

Брови Бекки взмывают вверх, она делает удивленное лицо.

– Эмм… как это возможно?

– Этим утром мы проснулись рядом, и он даже не помнил прошлой ночи. Я не знаю, что, по его мнению, случилось ночью. – Я глубоко вздыхаю, задерживая воздух в легких. Медленно выдыхаю, и сердце болит. – Он забрал мою девственность, и он даже не знает об этом.

Бекка придвигается ближе на диване и вновь заключает меня в объятия.

– О, дорогая. Пошли его подальше. Такой засранец.

Тихие слезы катятся по моим щекам, пока она обнимает меня. Она знает всю мою историю с Джастином. Нашу детскую дружбу. Мои тайные томления. Уже многие годы она наблюдает за всем этим из первого ряда.

Когда я беру себя в руки, она протягивает мне коробку бумажных платочков.

– Это не вполне его вина, Бекс. Тут есть и моя вина. Я, наверное, даже стала инициатором. В смысле, секса. – Я в смущении опускаю голову, потому что это действительно так.

– Вот оно, Элиза. Люди обращаются с тобой так, как ты позволяешь им с собой обращаться.

Я закатываю глаза.

– Умоляю, это звучит как строчка из пособия «Помоги себе сам».

Она пожимает плечами.

– Если слово ложится в строку, детка.

Бекка обычно не такая жестокая, и это говорит о том, что я действительно совершила колоссальную ошибку, переспав с Джастином прошлой ночью. Конечно, он мой друг. Но в еще большей степени – он кобель и не славится особым уважением или внимательным отношением к противоположному полу. Наверное, я надеялась, что стану исключением из этого правила. Глупо, я знаю.

– Ну, это больше никогда не повторится, так что все это не имеет значения.

Хотя на самом деле имеет. Это важнее, чем что бы то ни было, но я не могу позволить, чтобы Бекка оказалась права. Сейчас я не могу вынести озабоченного выражения на ее лице. У меня не только тяжелое похмелье, но и разбитое сердце.

– Ты в порядке? – спрашивает она.

– Буду в порядке. – Я должна быть. У меня нет выбора. Он живет с моим братом. Даже если избегание Джастина станет моим олимпийским видом спорта, я все равно буду вынуждена постоянно сталкиваться с ним.

Она пожимает мое плечо. Затем улыбается.

– Ну… он, по крайней мере, был хорош в постели?

Я смеюсь впервые за день.

– О боже, Бекка!

Она, улыбаясь, смотрит на меня.

– Что? Я просто хочу знать, правдивы ли слухи.

Я доподлинно знаю, о каких слухах идет речь. Что у него огромный член. Что в постели он гигант. Что он неутомим, словно кролик на батарейках «Энерджайзер». Это все правда. Все, за одним исключением. Из шепотков, услышанных за много лет на разных мероприятиях, я решила, что он не любит целоваться. Это оказалось ложью, потому что мы долго целовались в его постели. И я могу с уверенностью сказать, что этот мужчина целуется чертовски хорошо. Страстно, но не слюняво.

– Не хочу думать об этом, – наконец хрипло отвечаю я.

Бекка кивает.

– Возможно, так лучше. Ты должна двигаться дальше. Как он может даже не помнить или не понимать, что он лишил тебя девственности? Засранец, – твердо говорит она.

Она права. Он никогда не станет тем, кто мне нужен. Этим утром я уверилась в том, что уже знала.

– Я знаю. Ты права.

– Сегодня поплачь, – говорит она, похлопывая меня по спине. – А завтра мы замыслим его убийство и захват мира.

Я громко шмыгаю носом и согласно киваю. Я все еще чувствую себя опустошенной, но по крайней мере у меня есть Бекка, чтобы заставить меня

улыбаться.

Глава 5. Запах сожаления

Джастин

Прошло три дня с тех пор, как мы выиграли чемпионат, и я думаю, у половины команды все еще похмелье. Включая меня.

Я мчусь мимо Оуэна на коньках, и он салютует мне одним пальцем.

– Это, мать твою, круто, чувак, – стонет он, пыхтя следом за мной.

Я выдавливаю из себя улыбку и киваю ему. Он бы не катался рядом со мной, развлекаясь обычным трепом, если бы знал, что я сделал с его крошкой-сестрой ночью субботы. Живот у меня сводит, и я сглатываю волну сожаления, а затем разгоняюсь еще сильнее. Легкие горят, бедра болят от усилий, но коньки, скользящие по льду, – единственное, что держит меня в рамках на данный момент.

Это командная тренировка и официальное начало межсезонья. Позже мы выслушаем ожидания тренера, в основном связанные с поведением в общественных местах и социальных сетях. Затем Грант, наш капитан, тоже толкнет речь. В конце мы проведем чистку шкафчиков, которая займет минут двадцать или около того, а после будем свободны на несколько недель, пока не начнутся трудности тренировочного лагеря.

Мой агент подготовил для меня несколько публичных выступлений в ближайшие пару дней, а на следующей неделе я собираюсь сняться в рекламном ролике. Я знаю, что возможность отдохнуть должна вызывать во мне чувство благодарности и предвкушения, но если принять во внимание, что единственное, чего я хочу, – играть в хоккей, я не очень-то жажду отдыха.

К тому же дополнительное свободное время означает ненужные размышления. А последнее, что я могу себе позволить, это думать о своей ночи с Элизой.

Я едва могу смотреть на Оуэна, не чувствуя тошноты от осознания содеянного. Дурнота накатывает приступами: из страха, что он узнает, или из-за сожаления о произошедшем, я не уверен.

Не важно, что эта ночь была лучшей в моей жизни. Не имеет значения, что утром я хотел удержать Элизу, поцеловать, поговорить с ней, спросить, что она думает, что чувствует. Потому что, открыв глаза, я увидел написанное на ее лице сожаление. Она явно испытывала неловкость. Я позволил ей поверить, будто ничего не помню. Что еще я мог сделать? И когда Элиза буквально выскочила из моей комнаты, я взял телефон, чтобы прочитать сообщение от девушки, с которой переспал за пару месяцев до того, пока ехал в Теннесси, – она забеременела. Это все решило. Я не стану причинять Элизе боль своим дерьмом.

Даже если б я готов был рискнуть дружбой и признаться во всем Оуэну, я знал, что Элиза достойна кого-то получше. Не такого говнюка, от которого в другом штате залетела девчонка. Я порчу все, к чему прикасаюсь, и не стану так с ней поступать.

Я снижаю скорость и позволяю паре парней промчаться мимо, пытаюсь восстановить дыхание, когда размашистый удар Ашера в плечо отправляет меня прямиком в ограждающий борт.

– Три дня межсезонья. Уже размяк, Брэди? – кричит Ашер через плечо, устремляясь прочь.

Сукин сын.

– Да пошел ты! – выкрикиваю я, когда он проносится мимо.

– Полегче, парни, – говорит Грант, вклиниваясь между нами.

По правде говоря, я никогда не блистал в межсезонье. Даже в старших классах – хотя я отказывался думать о причинах, по которым это могло произойти, – во

время отвратительного развода родителей, затянувшегося слишком надолго.

Они оба хотели вцепиться в меня, будто я был каким-то призом. Борьба за полную опеку не имела ничего общего с их любовью ко мне – все дело было в маленьком хоккейном вундеркинде, которым я был и который мог однажды заработать миллионы. Что я и делаю вопреки всей этой драме.

Я нагоняю Ашера, который в третий раз пересказывает свою историю о проделках в джакузи. Поскольку я уже слышал эту сказку множество раз, я знаю, где нужно смеяться, и это хорошо, ведь я так рассеян, что не могу сосредоточиться буквально ни на чем. Не думаю, будто хоть кто-то в команде смог бы понять, что меня что-то беспокоит, и это именно то, чего я хочу. Не могу позволить им интересоваться, что не так. Кто знает, что может сорваться у меня с языка.

Но мысли об Элизе отвлекают меня настолько, что я едва могу сфокусироваться.

Воспоминания о ней в моей постели, стоящей на коленях, о том, как она протянула руку и провела ладонью по моему члену сквозь джинсы. О ее губах на чувствительной коже у основания моей шеи. От ее дыхания по моей спине бежали мурашки.

Голодный звук, который она издала, когда я коснулся ее между ног. Боже, она была такая мокрая. Все было так просто между нами. Казалось таким чертовски правильным.

И я был очарован ею. Каждым тихим всхлипом, каждым прерывистым вздохом, когда мои губы скользнули по ее груди, втянув в рот идеальный сосок. Затем я уложил ее на подушку и опустился на колени меж ее бедер, погружаясь в самое обжигающее ощущение, которое я когда-либо испытывал. Никогда не чувствовал ничего лучше. Да, я был пьян, но винить алкоголь не мог. Я точно знал, что делаю. И кроме того, сильнее опьяняла она сама, мысль оказаться внутри нее, а вовсе не алкоголь, который я поглощал.

Но ее взгляд, полный боли, на следующее утро после этого не был ошибкой. То, как дрожали ее губы, когда она посмотрела на меня. То, как ее руки сжались в кулаки и как безумно она хотела убежать от меня прочь… вот что, черт возьми, убило меня. Элиза принесла нам кофе и завтрак, устроила достойное «Оскара»

представление, притворяясь, будто предыдущая ночь ничего не значила. Я не знал, что еще делать, кроме как следовать ее примеру. Я не мог рисковать, заставляя ее чувствовать себя еще более неловко рядом со мной, чем она уже чувствовала.

И когда позже в тот же день я менял постельное белье и обнаружил несколько пятен крови размером с монету на простынях, новая волна смятения и эмоций и, наконец, осознание того, что это значит, окончательно выпотрошило меня. Я проглатываю свой гнев, ноздри раздуваются даже сейчас. Я все еще не могу поверить, что позволил этому зайти так далеко. Что я забрал у нее то, что мне не принадлежало. Чувствую себя полным козлом.

Я знаю, что должен извиниться или позвонить ей, или сделать что-то еще, но будет лучше, если она решит, будто я был слишком пьян, чтобы запомнить. Парни вокруг разражаются хохотом, и я понимаю, что Ашер все еще рассказывает свою проклятую историю.

– Чувак, она задержала дыхание минуты на четыре. Богом клянусь! – заканчивает он, и парни вокруг смеются. Тедди тычет его кулаком в плечо и называет идиотом. Тренер дает свисток, и мы поворачиваем к скамейке запасных. Я делаю широкую ленивую дугу и не тороплюсь.

Часть меня испытывает облегчение оттого, что сегодняшняя тренировка окончена. Но другая часть знает, что дома избегать Оуэна мне будет не легче. Перепрыгнув через ограждение, я хватаю бутылку с водой и делаю большой глоток.

Когда меня взяли в высшую лигу, моя жизнь мгновенно изменилась. Внезапно появились фанатки, выкрикивавшие мое имя на каждой игре, дети с моим номером на футболках. Женщины в каждом городе, желавшие трахнуть меня, сверкали перед моим лицом идеальными сиськами, умоляли меня пойти с ними домой.

Все хотели кусочек меня. Все, кроме Оуэна и Элизы. Они были настоящими друзьями. Были, пока все это не началось. Мы с Оуэном вместе играли в хоккей на застывшем пруду с тех пор, как нам исполнилось восемь. Элиза – тоже.

Я усмехаюсь, вспоминая, как мы всегда заставляли ее играть за вратаря, потому что она была просто ужасна в этом, вследствие чего мы могли забивать по пятнадцать голов за игру.

Она была единственной девушкой, рядом с которой я мог быть самим собой. А теперь я испоганил и это. Но что еще мне оставалось? Я уж точно не могу извиниться за то, что сунул в нее свой член и взял то, чего не должен был брать. Что сделано, то сделано. И уж конечно я не могу признаться в своем преступлении ее брату. Так что я стал призраком. Так лучше. По крайней мере, я повторяю себе это. У меня нет выбора: даже если бы я хотел, чтобы между нами с Элизой что-то было, моя жизнь – дерьмовое представление. Вашу ж мать, у меня, может, ребенок на подходе.

Позволить ей верить, что я был слишком пьян, чтобы помнить о случившемся, – лучшая альтернатива для всех причастных. Разбираться с последствиями? Это не то, что мне по силам. Оуэн – мой лучший друг. Мой сосед по комнате. Товарищ по команде. А Элиза слишком прекрасна для такого, как я. Если мы признаем, что переспали друг с другом, ничего хорошего из этого не выйдет.

– Эй, Брэди, ты в порядке? – спрашивает Оуэн, появляясь за спиной.

Я хватаю со скамьи полотенце и вытираю пот с лица.

– Да просто замечательно, мать твою, – лгу я.

В раздевалке я стаскиваю форму и принимаю продолжительный душ. Горячая вода приятно успокаивает ноющие мышцы, и я не спешу покидать душевую кабину. Я не знаю, сколько времени пройдет, прежде чем исчезнут воспоминания об Элизе в моей постели, но я надеюсь, что они все же исчезнут. Ощущение ее ладоней на моей груди, воспоминания об огромных серо-голубых глазах, глядевших на меня, пока наши тела двигались в унисон…

Я очень надеюсь, что эти воспоминания поблекнут. И не потому, что хочу забыть, но потому, что едва могу смотреть Оуэну в глаза без того, чтобы не признаться ему во всем. В конце концов вода становится прохладнее, и я вынужденно выключаю ее и выбираюсь из душа. Обернув полотенце вокруг бедер, я бреду обратно в раздевалку и вижу, что почти все уже одеты.

– О, чуть не забыл, – говорит Оуэн, поднимаясь со скамейки. Он вытаскивает кусок бумаги из своей спортивной сумки и передает ее Ашеру, который стоит рядом, одетый в одни лишь мешковатые спортивные штаны.

Я провожу рукой по влажным волосам и трясу головой, уже зная, к чему все идет.

– Что это? – спрашивает Ашер, приняв бумажку и уставившись на нее.

– Мы вызывали службу по обслуживанию джакузи. Это счет за чистку. – Оуэн падает обратно на скамью, довольный собой, и сует ноги в ботинки, не позаботившись о том, чтобы расшнуровать их. – Фильтр был забит стрингами, – добавляет он в ответ на озадаченное выражение на лице Ашера.

Ашер удивленно стонет.

– Двести баксов? На девчонке, с которой я был, не было никаких трусиков. Это счет для Тедди. Держи, ТиКей. Это все тебе. – Он вручает бумажку Тедди, который смотрит на нее, сдвинув брови.

Будучи в ударе, Оуэн добавляет:

– И, может, тебе стоит показаться мужскому косметологу. Там были и лобковые волосы в фильтре, а за это служба берет дополнительную плату.

– Мужской косметолог? Ты вообще думаешь, что говоришь? – спрашивает Тедди, качая головой. Он поворачивается к своему шкафчику и взваливает сумку на плечо.

Печальная реальность состоит в том, что я видел этих парней голыми так часто, что на самом деле в курсе, нужна ли им депиляция. «Твою мать, это действительно печально».

– Я серьезно, чувак. Девчонкам это нравится. Придется избавиться от растительности, если хочешь, чтобы тебе лизали яйца. Такова реальность, братан. – Оуэн с серьезным видом качает головой.

– Вы, парни, отвратительные животные, вы ведь в курсе, да? – спрашиваю я.

– Ага, – в один голос отвечают ТиКей и Ашер.

Тедди сминает бумажку в кулаке.

– Это просто смешно. Будем считать, мы в расчете после всего того пива, что вы таскали из моего холодильника.

Оуэн распечатал этот счет с собственного компьютера, даже постарался, чтобы шрифт выглядел как у клининговой компании, так что он не лезет в спор.

– Есть хотите? – спрашивает Ашер.

– А медведь гадит в лесу? – с ухмылкой отвечает Оуэн.

Я быстро заканчиваю одеваться и следую за ними на выход, чертовски надеясь, что смогу пережить межсезонье, не облажавшись еще сильнее.

Глава 6. Мой личный ад

Элиза

Три месяца спустя

– Да ты, мать твою, издеваешься, – вскрикивает Оуэн, швыряя геймпад на диван и качая головой. Вечер воскресенья, и я валяюсь без дела на раскладном диване в пентхаусе моего брата, пока тот просиживает задницу за врученным ему «Икс-боксом».

Джастин, сидящий на диване напротив нас с Оуэном, лишь издает короткий смешок.

– Четыре к одному, братан. Ты проиграл. Снова.

Оуэн подхватывает с кофейного столика перед нами свою бутылку пива и опустошает ее долгим глотком.

– Может, если б ты еще немного держался подальше от штрафной, – предлагает Джастин.

– Не учи меня делать мою работу, – рычит Оуэн. Он делает еще глоток и мрачно смотрит. – Хочешь поиграть, Лиз?

Я коротко смеюсь. Он знает, что в хоккейные симуляторы я играю ужасно.

– Найди кого-нибудь другого, чтобы потешить свое эго.

Оуэн усмехается.

– Мне нужен кто-нибудь, чтобы потешить мой…

Я поднимаю руку, останавливая его.

– Давай без грубостей.

– В рамках приличий, – эхом отзывается Джастин, бросая на меня сочувственный взгляд.

Мне понадобилось несколько месяцев, но я, наконец, могу находиться с ним в одной комнате без желания разрыдаться. Или вытошнить на пол содержимое желудка. «Ура мне».

– Ты мертв для меня, Брэди. – Но Оуэн говорит это не всерьез. Он просто дуется. Они близки, как братья. Созависимы до отвращения.

– Ужас. Гляньте-ка, кто становится букой, когда проигрывает. – Джастин встает, вытягивая руки над головой, отчего его футболка задирается на пару дюймов, демонстрируя кубики пресса.

Пресса, который больше не заставляет мое сердце биться быстрее.

Ну, ладно, это ложь. Но, по крайней мере, я пытаюсь пройти через это. Даже при том, что я все еще помню, как эти мышцы ощущаются под моими пальцами.

Это были три долгих месяца попыток забыть нашу ночь вместе, три месяца притворства, будто бы ничего не случилось, и три месяца такой жесткой терапии, которую могут предложить только близкие подруги. Не имело значения, что та ночь в его постели оставила неизгладимый след в моем сердце. Не имело значения то, что Джастин все еще оставался тем единственным парнем, который заставлял мое сердцебиение учащаться. Я встречаюсь с новым парнем и активно работаю над тем, чтоб победить Джастина в игре «притворись, будто ничего не случилось». У меня не очень-то получается, но я не оставляю попыток.

– Еще пива? – спрашивает Джастин по пути на кухню.

– Естественно. – Оуэн закидывает ноги на кофейный столик. – Хочешь пойти погулять с нами сегодня? – спрашивает мой брат, поворачиваясь, чтобы взглянуть на меня, и одаривая меня своим лучшим щенячьим взглядом.

– Не сегодня, – отвечаю я.

Джастин возвращается с двумя бутылками пива и протягивает одну Оуэну, прежде чем открутить крышку со своей и сделать большой глоток.

Я заставляю себя отвести взгляд от того, как двигается его кадык, когда он глотает.

– Я сегодня остаюсь дома, – говорит Джастин, ставя бутылку на стол. Если б я не была уверена в обратном, то решила бы, что он намеренно избегает смотреть на меня. Мой брат ничего не видит, но я иногда замечаю, как Джастин смотрит на меня, когда остальные не видят.

Полагаю, сегодня не тот случай.

Оуэн переводит щенячий взгляд на Джастина.

– Мы уже много недель никуда не ходили.

– Да, но сезон начинается в четверг. Этой ночью я хочу залечь на дно.

– Два слова. Линдси и Лисбет.

Джастин проводит рукой по затылку.

– А что с ними?

Оуэн смеется.

– Прошло уже две недели. Нам нужно развеяться. Выпустить пар.

Джастин обеспокоенно смотрит на меня, но я внезапно очень занята – инспектирую лак на ногте большого пальца. Если он считает, будто я не знаю обо всех их хоккейных зайках, значит, он еще наивнее, чем я считала. Но это не значит, что я хочу быть в курсе его сексуальной жизни. Было достаточно тяжело наблюдать, как под утро он исчезает из бара с очередной женщиной, а это случалось намного чаще, чем я могу посчитать.

– Тренер на нас насядет. Мы не можем мучиться завтра похмельем, – говорит Джастин.

Оуэн молча хватает геймпад, чтобы начать новую игру.

– О, значит, я привлек твое внимание? – смеется Джастин.

– Нет. Ты заслужил мою жалость, чувак. Две недели без киски? Официально заявляю, мои яйца посинели, – говорит Оуэн.

Я заставляю себя улыбнуться и качаю головой. Джастин не говорил, что у него уже две недели не было секса. Он лишь сказал, что две недели назад он и мой брат пошли на свидание с этими близняшками: грудастой Барби и ботоксной Бетти, как я люблю их называть.

И хотя, когда я представляю Джастина с одной из этих девушек, мое сердце сжимается в груди, я смеюсь вместе с Оуэном. Надеюсь лишь, что Джастин не поймет, насколько деланый этот смех.

Я последовала совету Бекки и стала жить дальше, но это не значит, что я переступила через все случившееся. Я даже не знаю, возможно ли это. Джастин Брэди захватил часть моего сердца с тех пор, как мне исполнилось шесть. Пока я взрослела, эта приятная привязанность переросла из дружбы в любовь… по крайней мере, для меня.

Когда мне исполнилось четырнадцать, Джастин был в отъезде, в колледже, и не присутствовал, как обычно, на вечеринке в честь дня моего рождения. А затем, чтобы жизнь не казалась медом, он решил вернуться домой через неделю, как раз тогда, когда я слегла с простудой. Приезжая, он предпочитал оставаться в доме моих родителей, а не с отцом, чтобы избежать непрекращающейся семейной драмы. Я не знала всех подробностей, но знала, что его отец снова женился, и Джастин больше не чувствовал себя желанным гостем в том доме. Обычно, увидев его, я приходила в восторг, но, вместо того чтобы шпионить за ним и щеголять перед ним в своих лучших узких джинсах, я лежала на диване в потрепанном халате, страдая лихорадкой.

Мама пыталась прогонять всех и каждого как можно дальше от меня, чтобы никто больше не заболел, но Джастин ее не слушал. Он заглядывал ко мне несколько раз, сидел рядом за компанию, приносил чай, когда я жаловалась на то, что замерзаю. Я все еще ясно помню, как Оуэн кричал из спальни Джастину, чтоб тот вернулся и доиграл с ним в видеоигру, но Джастин лишь улыбался мне и кричал в ответ, что игра может подождать. Эта легкая тайная улыбка значила для меня все. И до сих пор значит. Даже если я не хочу этого.

Так что да, забыть нашу ночь умопомрачительного секса, наверное, не получится. Кроме того, чтобы действительно пережить что-то, вам, вероятно, все же нужно поговорить об этом, как разговаривают два взрослых человека. Чего мы с Джастином ни разу не сделали. Без какого-либо внятного завершения этой истории мое сердце так и осталось широко распахнутым.

– Хорошо, – соглашается Оуэн. – Давай закажем что-нибудь. Элиза, ты будешь?

– Что? – Я качаю головой, вновь включаясь в разговор. – Нет, я уже ела. И скоро мы с Энди пойдем есть мороженое.

Оуэн забывает о начатой им игре и смотрит на меня.

– Черт. У вас с этим парнем все, похоже, серьезно. Может, мне стоит встретиться с ним.

Я чувствую, как Джастин смотрит на нас, но не смотрю на него.

– Встретишься, – говорю я Оуэну. – Скоро.

Суть в том, что Энди – не фанат хоккея, и я не могу представить, чтобы они с моим братом поладили. Когда я сказала Энди, что Оуэн – профессиональный хоккеист, он заметил, мол, это немногим лучше боев без правил. Хоккей всегда был огромной частью моей жизни, но человек, с которым я встречаюсь, не обязан быть его фанатом. Поэтому я не уверена, насколько хорошо поладят чрезвычайно консервативный Энди и мой брат-сквернослов. Я проверяю время на своем телефоне и поднимаюсь на ноги.

– Вообще-то, мне пора. – Беру свою сумку и надеваю куртку. Сквозь панорамные окна я вижу, как небо затмевает легкая морось. Осень в Сиэтле официально наступила.

Я наклоняюсь и целую Оуэна в щеку.

– Спокойной ночи. Ведите себя хорошо.

Раньше, когда между нами все было по-старому, Джастин отпустил бы игривое замечание, нечто вроде «я всегда хорош».

Но теперь он молчит.

– Напиши мне, когда вернешься домой, – просит Оуэн, снова уставившись в игру.

Я ухожу не оглядываясь, направляясь к лифту в конце коридора.

Шаг за шагом.

Бекки будет гордиться мной.

* * *

Я провожу ложкой по растаявшей луже шоколадного мороженого на дне миски.

– Ты слышала, что я сказал? – спрашивает Энди, смущенно нахмурившись.

– Хм? Нет, извини.

Он ударяется в какую-то историю о том, что случилось сегодня на третьем уроке, но я просто не могу сосредоточиться. Тот факт, что я – учитель дошкольных классов, а он преподает математику в средней школе, должен означать, что у нас есть нечто общее, только вот мне все сильнее начинает казаться, что на самом деле общего у нас мало.

Я смеюсь, когда он заканчивает говорить, и надеюсь, что правильно считала посыл истории. Энди сминает свою салфетку в шарик и бросает ее в пустую миску из-под мороженого.

– В последнее время ты выглядишь очень рассеянной. Все в порядке? – спрашивает он.

Он в самом деле милый парень. Светлые волосы. Голубые глаза.

Симпатичный в своей занудной манере. Он мне нравится. По крайней мере, мне так кажется. Или, может быть, я просто хочу, чтобы он мне нравился, или хоть кто-то еще, кроме Джастина. Даже не знаю.

Я склоняюсь вперед и прижимаюсь губами к его губам, и мне хочется почувствовать хоть что-то, пока он целует меня в ответ. Хочется, чтобы мое сердце затрепетало, ладони вспотели, а соски напряглись – да все что угодно.

Вот только ничего этого не происходит.

Когда я отстраняюсь и смотрю в его глаза, Энди улыбается.

Он славный парень. Но «славный» не заставляет мою кожу гореть, в животе не порхают бабочки, как при мысли о Джастине. Мне не кажется, что я умру, если он не прикоснется ко мне в следующие четыре секунды.

И все это – не вина Энди, но, мать вашу, я это ненавижу.

Я практически уверена, что член Джастина сломал меня, и я не знаю, смогу ли я когда-нибудь оправиться от этого.

Глава 7. Мажоры

Джастин

На кофейном столике передо мной стоит тарелка с холодной пиццей. У меня пропал аппетит, когда Элиза объявила, что между ней и парнем, с которым она встречается, все серьезно. Она ушла час назад, и Оуэн позвал кое-кого из парней. Я наблюдал, как они играют в видеоигры, но не смог бы сказать, кто выиграл или проиграл, или припомнить хоть один из пустых разговоров последнего часа.

Одна только мысль о том, что она с кем-то другим, пробуждает во мне собственнические инстинкты. Черт, я вовсе не святой, но переспать с кем-то, с кем больше не планируешь видеться, – совершенно не то, что отношения Элизы с парнем, к которому она начинает испытывать чувства. Это звучит так лицемерно. Поправка – я и есть лицемер.

– Брэди! – зовет Тедди с другого конца комнаты. Он машет геймпадом, чтобы привлечь мое внимание. – Вытаскивай тампоны из ушей и иди играть, – говорит он с вызывающей ухмылкой.

Я показываю ему средний палец, но беру геймпад, который мне предлагает Ашер.

Хотя он прав, я рассеян. И мне не хочется, чтобы команда заметила это, потому что я не настроен отвечать на какие бы то ни было вопросы, особенно когда Оуэн сидит на другом конце дивана.

– Готовься к полному уничтожению, – говорю я, сверкая самонадеянной усмешкой.

– Ты весь вечер играешь дерьмово, и тебе ни за что не победить меня, – бормочет он.

И… видимо, он прав, так как через три игры я проигрываю и отдаю геймпад.

Однако никто больше не комментирует мое мрачное настроение.

– Чувак, это не плей-офф, и пора побрить мохнатку у тебя на лице, – говорит Тедди Оуэну, качая головой.

Я бросаю взгляд на Оуэна и не могу сдержать смешок. Он надувает губы, и черт меня подери, я представляю себе заросшую щетиной розовую киску. Меня передергивает. Это не тот образ, который хочется ассоциировать со своим лучшим другом.

Твою ж мать. Что мне требуется, так это еще одна бутылка пива.

Или лоботомия, чтобы стереть из головы этот образ.

– Вперед, ТиКей. Продолжай вести себя как мудак, – говорит Оуэн Тедди, – и я не поделюсь с тобой девчонками, с которыми как раз переписываюсь.

– Ой, да ладно, чувак. Брось, – стонет Тедди. – Ты знаешь, что любишь меня.

– Ты позвал сюда заек? – спрашивает Ашер.

Я искоса смотрю на него, вспоминая все те разы, когда он осквернял джакузи на нашем балконе. Я бы предпочел, чтоб он отвез девушек к себе. Сегодня я совсем не в настроении выслушивать их треп.

– Да, группа девочек на подходе, – подтверждает Оуэн. – Брэди не помешает компания. Он в завязке с тех пор, как закончился тренировочный лагерь.

Готов спорить, он это заметил. Я пожимаю плечами и откидываю голову на подушку.

– Я не в завязке. Просто не люблю межсезонье так, как его любите вы, ублюдки. Рад, что оно позади.

Каким-то чудом Оуэну удается превратить тихую ночь за сеансом видеоигр в шанс перепихнуться. Этот чувак – главный кобель, и это говорю я. Оуэн выводит все это на совершенно новый уровень.

Я бреду на кухню и беру себе еще бутылку пива, открываю крышку и делаю один большой глоток, опершись бедром о стойку. Я действительно не в настроении устраивать тут вечеринку этой ночью.

Оуэн входит на кухню, чтобы взять себе выпивку, и останавливается, окидывая меня взглядом.

– Ты в порядке, чувак?

Я киваю и делаю еще глоток.

– Просто, блин, восхитительно, – я заставляю себя фальшиво улыбнуться.

Оуэн закатывает глаза.

– Ты ведь знаешь, я вижу тебя насквозь.

Я пожимаю плечами.

– Надо о многом подумать.

Он откручивает крышку с бутылки и швыряет ее через всю комнату, она приземляется в мусорное ведро.

– Надеюсь, не о той цыпочке из Южной Каролины.

– Это было в Теннесси, и нет. Я вообще о ней не думал.

Ладно, это не вполне так. Та ситуация стала одной из причин, по которым я начал смотреть на случайные связи иначе.

Оуэн знает всю эту грязную историю. Когда я узнал, что у меня скоро будет ребенок, я, конечно же, доверился своему лучшему другу. Черт, я перепугался до смерти. Прилетел в Нешвилл, взял напрокат машину, чтобы добраться до ее дома. Мы поддерживали связь практически каждый день с тех пор, как девушка сказала мне, что беременна. Мы не были близки, но это не мешало мне навещать ее, расспрашивать о ребенке или посылать деньги на вещи, которые, по ее словам, ей были нужны. Я мысленно готовился во что бы то ни стало стать частью жизни этого ребенка, но, когда я появился на пороге ее дома, все рухнуло. Очень быстро.

Открыв дверь, она запиналась и говорила невнятно. Не потребовалось и пяти минут, чтобы понять – она пила и была очень худой. Девушка определенно не выглядела беременной, тем более на седьмом месяце, как утверждала. Когда я начал настаивать на том, чтобы она сказала правду, она расплакалась и во всем призналась.

После целого дня, проведенного в пути, после всех этих дней, полных страха и одновременно решимости стать хорошим отцом, обнаружить, что она лгала мне, – было ударом под дых. Я провел бессонную ночь в дешевом мотеле рядом с аэропортом, ожидая утреннего рейса. Представлял себе, как буду собирать кроватку, красить стены, возможно, мне даже дадут послушать, как бьется сердце ребенка… вместо этого все мои жизненные выборы вдруг обрушились на меня с полной силой. Я лежал на комковатом матрасе, прислушиваясь к шуму машин, и начал задаваться вопросом, нет ли в жизни чего-то большего, чем просто бессмысленный секс.

Оуэн откашливается, и я замечаю, что он все еще смотрит на меня.

Я облизываю губы и скрещиваю лодыжки.

– Итак, этот парень, с которым встречается Элиза. Что ты о нем знаешь?

Оуэн пожимает плечами.

– Он учитель. Она говорит, он хорошо к ней относится. Я еще не знаком с ним, но собираюсь.

Больно слышать, как он говорит это. Конечно, я хочу, чтобы к ней хорошо относились, но я надеялся услышать, что этот парень – мудак. И что дальше? Мы продумаем план, как добраться до ее квартиры и заставить порвать с этим парнем? Твою мать. Мы уже не в школе.

Я знаю, что упустил свой шанс, но это не делает мысль о том, что она с кем-то другим, менее жгучей. Последние несколько месяцев были безумными, и я, черт возьми, в полном раздрае.

Я слегка киваю.

– Просто хотел убедиться, что он к ней хорошо относится.

Оуэн переводит взгляд на меня и следит, как я подношу банку пива к губам.

– Элиза может постоять за себя. И она не совершит какой-нибудь глупости.

Я киваю. Она умеет держать себя в руках. Я слишком хорошо это помню. То, как ее ладони сомкнулись на моей голой заднице, когда она притянула меня ближе, стремясь получить удовлетворение. Хриплые вздохи в мою шею, когда она кончила.

Я сглатываю и смотрю на бутылку, которую слишком крепко сжимаю в кулаке.

– Да, она умная девочка, – наконец выговариваю я. Мне нужно закрыть свой проклятый рот прежде, чем я скажу что-то, чего говорить не должен.

Оуэн кивает и возвращается в гостиную – слава богу, поскольку я не знаю, как долго еще смогу продолжать этот фарс. Я знаю, что не заслуживаю такой девушки, как она, но это не мешает мне хотеть Элизу. Я до сих пор ненавижу

себя за то, что не нашел способа извиниться за ту ночь и все исправить. Хотя я не уверен, что такая возможность существует, если ты по пьяни тащишь в постель младшую сестру своего товарища по команде.

Немного погодя приходят девочки. Кейтлин, Кристен и кто-то еще на «К», чьего имени я уже не помню. Я не в настроении для этого дерьма, и когда парни уламывают девушек играть в покер на раздевание, я со своим пивом и трезвыми мыслями ухожу на балкон, просто желая побыть в одиночестве.

Прохладный, темный воздух идеально соответствует моему настроению. Часть меня хочет написать Элизе, но другая часть знает, что это ужасная идея. С той ночи мы обменялись едва ли тремя репликами. Я точно не смогу ни с того ни с сего завязать разговор только лишь потому, что испытываю ревность из-за ее отношений с другим. Она делает именно то, что должна, – продолжает жить своей жизнью.

Балконная дверь открывается, и выходит одна из девушек. Думаю, Кейтлин, но я не уверен.

– Привет, – говорит она тихо. – Подумала, тебе не помешает небольшая компания. – Она подходит ближе, пристально глядя на меня.

– Не слишком любишь покер на раздевание? – спрашиваю я.

Она садится рядом, поджав под себя ноги и обхватив плечи руками. Тут холодно, а она не вполне одета для такой погоды: в легинсы и футболку.

– Я ужасно играю в покер, – говорит она, встречаясь со мной взглядом.

Медленно вздыхаю, затем подношу пиво к губам, делая долгий глоток.

– На какой позиции играешь? – спрашивает она.

– Форвард, – говорю я, все так же разглядывая городской пейзаж. Вот что я люблю в Элизе. Мы никогда не говорим о хоккее. Я улыбаюсь, осознав это. Хоккей – огромная часть моей жизни, и Элиза это понимает, но мы никогда не утруждаем себя мирской болтовней о нем, потому что Элиза всегда была рядом

на моем спортивном пути.

– Это значит, ты пытаешься забить гол, – говорит она с улыбкой. Я ценю хорошие двусмысленные шутки, как и любой парень, но сегодня я не могу найти в себе силы улыбнуться в ответ.

– Идея именно в этом.

Я делаю еще глоток, глядя на горизонт, и на мгновение становится тихо.

– Должно быть, тебе это нравится, – говорит она.

– Да. Я играю с четырех лет.

Я жду, когда она скажет, как хорошо я управляюсь со своей клюшкой, или какую-нибудь другую двусмысленность, которую я слышал уже восемь тысяч раз, но она просто кладет руку мне на бедро и склоняется ближе.

– Тут немного прохладно. Если ты захочешь зайти внутрь, может, чтобы просто поболтать, я бы не возражала.

Я оглядываюсь через плечо и встречаюсь с ней взглядом. Тут темно, так что я не могу различить цвет ее глаз, только яркий макияж. Долю секунды я раздумываю над предложением. Я могу выбросить Элизу из головы. Она была последней девушкой в моей постели. После заигрывал с другими, но ни с кем не переспал. А эта девушка, сидящая рядом… Она симпатичная, кажется весьма милой и явно в меня втрескалась, это очевидно. И все же я ничуть в ней не заинтересован.

Ни малейшего шевеления в штанах.

– Извини, – бормочу я. – Я не в настроении сегодня.

– Я тут не для того, чтобы тебя соблазнять. Просто мне показалось, что тебе грустно.

– Это… мило. Но я в порядке, просто много всего навалилось.

Кейтлин, или как там ее зовут, кивает, но не выглядит убежденной.

– Спокойной ночи, – говорю я, вставая.

Не дожидаясь ее ответа, я тащусь через балкон и направляюсь внутрь.

Когда я открываю раздвижную дверь и вхожу, то слышу смех.

– Черт, чемпион, это было быстро! – выкрикивает Ашер. – Человек-минута.

Тедди кашляет в кулак.

Я не одергиваю его, просто иду по прямой к своей спальне и закрываю дверь.

Опираюсь о комод обеими руками и делаю глубокий вдох. Мне отчаянно нужно, чтобы все вернулось в прежнее русло. Мой рассудок зависит от этого. Впереди – важный сезон, и я должен играть на пределе возможностей, если мы хотим продолжить победное шествие прошлого сезона, когда мы взяли чемпионский титул. Я не могу позволить Элизе и тому, с кем она встречается, помешать этому. Пришло время отпустить ее… чтобы я тоже мог двигаться дальше.

Глава 8. Пельмени

Элиза

– Отличная работа, – говорю я, наклоняясь, чтобы осмотреть пальчиковый беспорядок, который устроили восемь моих маленьких учеников. Желтые солнца, и красные цветы, и много волнистых коричневатых мазков украшают стол.

И, несмотря на настоящий дурдом после занятий рукоделием, я очень горжусь ими. Мне нравится быть учителем младших классов. С девяти до четырех каждый день я отвечаю за восьмерых маленьких человечков, которые души во мне не чают. Меня встречают объятиями по утрам, мне достается честь

перебинтовывать оцарапанные колени и успокаивать задетые чувства, и обычно кто-нибудь обязательно говорит мне, что я – красивая. В общем, это неплохая работа. Плюс у нас есть время перекусить. Я обожаю перекусы. Сегодня у нас были крекеры в виде животных. Они – мое секретное оружие, когда мне нужно привлечь внимание детей.

– Посмотрите на мою, мисс Лиза! – кричит Картер, полностью забыв мой урок о внутреннем голосе.

Я опускаюсь на колени, чтобы смотреть глаза в глаза.

– Замечательно, – говорю я тихо. – Видно, что ты очень старался.

Он сияет в ответ.

– Я точно старался.

– Маме будет чем украсить холодильник.

Улыбаюсь и иду через комнату, чтобы помочь детям положить свои шедевры в сушилку. Я люблю этих карапузов. Да, они похожи на пьяных безумцев, но я все равно их обожаю.

Я полностью в своей стихии, управляю хаосом, помогая снимать восемь крошечных халатиков и наблюдая за мытьем шестнадцати рук, и даже сообщение, которое я получила перед этим, не может испортить мне настроение. Что странно, учитывая его содержание. И да, наверное, это повод встревожиться, но я ничего не почувствовала, когда прочла присланное Энди послание.

Он порвал со мной по СМС, сказав, что нам лучше остаться друзьями. Я ответила ему смайлом с поднятым вверх большим пальцем. Если это не объясняет вам, насколько я разбита, то ничто не объяснит. Я могу поставить рекорд в самом быстром и самом неприятном разрыве в мире.

Но я написала Бекки, она собрала девчонок, и после работы мы проведем счастливый час в одном из моих любимых мест. У ребят сегодня тренировка,

потому я еще не рассказала Оуэну о своем разрыве с Энди, но вряд ли это новость для первой полосы. Да, я встречалась с ним пару месяцев, но я едва ли расстроилась из-за этого. Однако это не значит, что я не позволю своим подругам баловать меня сегодня вечером коктейлями и закусками.

* * *

– Напьемся? – спрашивает Сара через стол, вскидывая брови.

Я откладываю меню и качаю головой.

– Это не такой уж разрыв.

– Ты игнорируешь идеальный повод напиться? – Сара на пару лет старше, того же возраста, что мой брат и Джастин, и она – адвокат.

– Ладно, тогда будем праздновать. То, что ты молода, одинока и открыта для новых приключений.

Бекка сидит рядом, Сара и Бейли – напротив.

– Окей. Я хочу вкуснятину, которая затуманит мои мозги. – Я вновь окидываю взглядом перечень напитков.

– Значит, что-нибудь затуманивающее. Сейчас сообразим. – Сара не из тех, кто будет сидеть и ждать официанта. Она шагает к стойке, чтобы сделать заказ.

Мы сидим у эркерных окон и смотрим на заходящее солнце. От серости моросящего дождя мне хочется свернуться калачиком в уютном свитере и пить горячий шоколад, но сплетничать и пить коктейли с подругами – почти то же самое. Я попросила Бекку не рассказывать девчонкам о моей ночи с Джастином. Думаю, я не смогла бы выдержать три пары печальных глаз, смотрящих на меня с жалостью. И я благодарна, что она держит все в тайне. Потерять девственность с кем-то, кто даже не помнит об этом, – не самое лучшее событие в жизни.

Мы сидим с наполовину опустошенными бокалами, когда к нам, наконец, подходит официант. Бекка быстро заказывает полдюжины закусок, включая мои любимые приготовленные на пару пельмени, а Сара приносит еще по одной порции выпивки.

Обожаю своих подруг.

Мы обмениваемся байками о работе, и Бекка рассказывает сплетни о хоккейной команде. Она – помощник владельца команды, и у нее всегда лучшие слухи. Судя по всему, новичок прошлого сезона был исключен во время межсезонья за то, что переспал с дочерью тренера. Упс. Лучший способ за три секунды испоганить свою профессиональную карьеру.

Мы болтаем по душам, но тут атмосфера в баре внезапно меняется. Приглушенный шепот проносится над столами вокруг, и мой взгляд обращается к дверям как раз вовремя, чтобы увидеть четверых здоровенных хоккеистов. Это мой брат и Джастин, а рядом – Тедди и Ашер. Эти парни вызывают ажиотаж, куда бы ни пошли. Они молоды, подтянуты и привлекательны, но в этом городе они – практически боги. Думаю, принадлежность к профессиональным атлетам и членам популярной команды победителей дает свои преимущества.

Я не ждала их, но бар – у катка. Полагаю, они зашли выпить после тренировки.

Бекка привстает, машет им, и парни начинают двигать второй стол, чтобы присоединиться к нам.

– Я написала Оуэну, что мы тут, – говорит она. А потом встречается со мной взглядом. – О.

Да. «О». Я знаю, что Бекка и Оуэн – добрые друзья, но она должна была понять, что если пригласить Оуэна, то и Джастин, скорее всего, последует за ним.

Мои глаза, не спросив разрешения мозга, пробегают взглядом по его высокой фигуре. Обтянутые джинсами бедра мускулисты и сильны, а футболка с длинным рукавом туго облегает грудь. Он мог бы сойти за супергероя. Или, может, он – злодей?

Не имеет значения, настолько он привлекателен. Он мне не подходит, и я должна двигаться дальше. Точка. Конец истории.

Я и в самом деле научилась избегать его, и когда он садится за противоположный конец стола, я тихонько выдыхаю воздух, который все это время держала в легких.

Парни заказывают напитки, а нам приносят наши закуски.

– Спасибо Энди, этому паршивому придурку, за освобождение нашей Элизы, чтобы она могла двигаться дальше к большему и светлому будущему, – говорит Бекка, слегка икнув в конце своего тоста.

Мы чокаемся, и все пьют, кроме меня. Я слишком занята, пытаясь понять, как бы пнуть Бекку под столом.

Брат смотрит на меня через стол.

– Вы расстались?

Я пожимаю плечами и открываю рот, чтобы ответить, но тут Бекка склоняется вперед.

– Он ее бросил. По СМС, – говорит она слишком громко. – Какой мудак так поступает?

Сара качает головой и отодвигает бокал Бекки от нее.

– Боже, Бекс. Я тебя, пожалуй, прерву.

Мои щеки пылают от того, что на меня обращено внимание всего стола: все смотрят на меня, особенно Джастин. Его голубые глаза обжигают и заставляют меня нервничать, как будто внезапно миллионы бабочек принялись танцевать чачу у меня в животе. «Не обращай внимания», – требует мой мозг.

Я поднимаю бокал с мартини и делаю глоток.

– Ничего такого, чего не сможет исправить немного алкоголя. – Я заставляю себя фальшиво улыбнуться, а потом мой взгляд встречается со взглядом Джастина. Это была плохая идея – смотреть на него. Он выглядит таким напряженным и серьезным. И смотрит на меня хмуро. Его волосы все еще немного влажные после душа, и, боже, я бы все отдала, чтобы почувствовать его запах. Знаю, это полный финиш, но сердцу не прикажешь, а мое глупое сердце все еще хочет его.

Даже после всего, что случилось. Черт, может, это как раз из-за того, что случилось – проклятие, я даже не знаю. Или, может, то, что Энди вдруг ни с того ни с сего порвал со мной, ударило по мне сильнее, чем я думала… Я заставляю себя отвести взгляд от Джастина и подношу бокал к губам, только чтобы обнаружить, что тот уже пуст.

«И когда это я успела?»

Джастин поднимает руку, заставляя официантку вернуться. Я слышу, как он заказывает еще выпить. Перед ним лишь стакан воды со льдом, но он кивает подбородком на меня, и бойкая официантка кивает. Затем Джастин заказывает еще тарелку пельменей – тоже для меня. Что за черт? Почему он так мил со мной, хотя все лето бегал от меня как от чумы?

Ладно, не будем увлекаться. «Милый» – понятие относительное. Этот парень не сказал мне и полудюжины слов за месяцы, прошедшие с тех пор, как мы переспали. Это просто чудо, что Оуэн ничего не заметил. Конечно, мы хорошо играем свою роль, смеемся вовремя и добродушно шутим, будто ничего не изменилось. С другой стороны, может быть, Джастин действительно не помнит. Может, он вовсе не притворяется. Может, притворяюсь только я.

Несколько минут спустя передо мной появляется свежий коктейль, и Джастин наблюдает, как я делаю первый глоток. Мои руки дрожат, и это не из-за алкоголя, который я выпила. С огромным усилием я ставлю стакан обратно так, чтоб не расплескать содержимое. Затем на столе появляется дымящаяся тарелка с пельменями, и Джастину приходится отбивать тянущиеся к ней руки.

– Руки прочь, придурки. Это для Элизы.

Я принимаю тарелку, которую он протягивает через стол. Парни действительно прикончили большую часть закусок, которые мы заказали. Но все же Джастин запомнил, что пельмени – мое любимое лакомство.

– Спасибо, – слабо бормочу я, не желая придавать особого значения его продуманному жесту.

Уверена, он просто хочет быть милым с девушкой, которой только что разбили сердце. Только мое сердце разбито им, а не Энди, но я не могу признаться в этом. Лишь Бекки знает правду.

Она берет одну из моих пельмешек и улыбается.

– Это ужасно мило со стороны Джастина.

Под столом я толкаю ее локтем в ребра и заставляю себя улыбнуться. Она становится чересчур болтливой, когда напивается, а я не могу позволить, чтобы хоть что-то сорвалось с ее губ без всяких на то оснований. Однако она права. Я не могу не задаться вопросом о его намерениях. Это все потому, что меня бросили, или потому, что он помнит случившееся той ночью и чувствует вину?

– Оуэн, кажется, наслаждается жизнью, – говорит Бекка, кивая моему брату, когда он встречает ее взгляд и улыбается.

– Это для него нормально, – бормочу я.

И это правда. Мой брат умеет находить радость в самых обыденных вещах. Я почти уверена, что Оуэн находит приятное даже в визите к дантисту. Хотя забудьте об этом. Я знаю, что это так. Он развлекал меня с самого детства.

Обычно в этой компании все разговоры сводятся к хоккею, но сегодня Бейли, Оуэн и Ашер завязали глубокомысленный спор о том, какой фильм нашего детства был лучшим.

– «Гарри Поттер», – выкрикиваю я, слыша в ответ хор стонов.

– Боже, Элиза, ты такая юная, – говорит Сара.

Я закатываю глаза. Большинству в нашей компании – около тридцати, тогда как мне всего несколько недель назад исполнилось двадцать четыре.

– Ну и ладно.

– «Мэри Поппинс» – мой выбор, – объявляет Бекка.

– Ремейк или оригинал? – спрашивает Оуэн.

В притворном отвращении она кладет руку на сердце.

– Оригинал.

– «Мэри Поппинс» была крута, – добавляет Ашер, соглашаясь с ней, но по совершенно иным причинам.

Бекка рядом смеется.

– Эй, Бекка, – окликает ее мой брат с другого конца стола. – Ты слышала о новичке? – Он ухмыляется.

– Ага. Влюбился и погорел. – Она делает руками движение, изображающее взрыв.

Торговля сплетнями – их валюта. Причем чем сочнее, тем лучше. Я очень рада, что у Бекки есть мой брат. Она прошла через многое, и он ей тоже как старший брат.

После очередного бокала я понимаю, что напилась сильнее, чем предполагалось, и внезапно встаю.

– Мне нужно домой. Завтра у меня дошколята.

– Так ответственно, – бормочет Сара. – Мне тоже пора. Завтра придется выступать в суде адвокатом. – Она встает, хватая сумочку со спинки стула. – Возьмем один «Убер»?

Джастин поднимается на ноги.

– Я могу подкинуть Элизу. Разделить «Убер» не получится, она живет на другом конце города.

Оуэн смотрит на него с любопытством.

– Ты ведь пил только воду, да?

Джастин кивает.

– Да, я в порядке.

Видимо, то, как я вернусь домой, уже решено. Оуэн кивает, и Джастин встает, выуживая из кармана темных джинсов ключи от машины. Я поднимаюсь на дрожащих ногах, внезапно жалея, что выпила так много, и наклоняюсь, чтобы поцеловать Оуэна в щеку.

– Спокойной ночи, – бормочу я. – Проследи, чтобы Бекка благополучно добралась до дома.

– Будет сделано, – отвечает Оуэн и бросает многозначительный взгляд на Джастина. – Береги мою младшую сестренку. Она – драгоценный груз.

Джастин смотрит на него с выражением, которого я не понимаю.

– Я знаю. Не беспокойся. Я не позволю, чтобы с ней что-нибудь случилось.

Оуэн кивает.

– Я оплачу ее счет.

Бекка – благослови ее бог, но когда напьется, она невыносима – склоняется ко мне и громко шепчет:

– Ты в порядке? Это же хорошо, да?

Я напряженно киваю и бросаюсь прочь, в ужасе от мысли, что еще она может шепнуть мне.

Когда я следую за Джастином к двери, часть меня думает, что Бекка может быть права. Нам было бы полезно поговорить. Прошло несколько месяцев, и нужно как-то прояснить ситуацию, разве нет?

Даже если я хочу злиться на него, часть меня все еще скучает по дружбе с ним.

Следуя за ним к машине, я вспоминаю один из множества случаев, когда Джастин приходил мне на помощь. Я только что отпраздновала пятнадцатый день рождения и была на первом своем свидании – без ведома родителей. Гейб был второкурсником, а я училась на первом курсе. У него была своя машина, и я считала его самым крутым, самым горячим парнем в школе. Он даже близко не мог сравниться с Джастином, но поскольку Джастин тогда еще не заметил, что я повзрослела, приходилось обходиться тем, что есть. Мы с Гейбом пошли на вечеринку, и, к несчастью для меня, он стал пить. Чем дольше тянулась ночь, тем сильнее росло мое беспокойство. Я знала, что не смогу потом сесть с ним в машину, а это значило, что у меня не было вариантов добраться домой. Поскольку я боялась звонить Оуэну, то поступила иначе. Я позвонила Джастину, и он примчался через пятнадцать минут, вытащил Гейба наружу и выбил из него все дерьмо. Он был так зол и одновременно так мил со мной. Я помню, как дрожали его пальцы, когда он застегивал мой ремень безопасности.

Сморгнув воспоминание, я сажусь рядом с ним в черный внедорожник. Перед тем как закрылась дверь, его взгляд встречается с моим, и я клянусь, это тот же взгляд, которым он смотрел на меня в ту ночь, когда мы занимались сексом.

Но тут дверь захлопывается, и он обходит машину со своей стороны.

– Пристегнись. – Тон у него нейтральный, но немного настороженный, и у меня такое чувство, будто он чем-то расстроен.

Джастин выезжает на дорогу, и между нами повисает молчание. Напряженное и неловкое. Такого не было никогда. Господи, ну почему я согласилась поехать с ним? О, да потому, что я пьяна и теряю самоконтроль, когда дело доходит до

Джастина, мать его, Брэди.

– Поговори со мной, Эл, – наконец говорит он, крепче сжимая руль.

– О чем ты хочешь поговорить? – Я стараюсь сохранять ровный тон, но ужасно боюсь того, что я точно знаю, о чем он хочет разговаривать.

– Просто… разве мы не должны прояснить все?

– В смысле? – Я недоуменно моргаю.

Он должен произнести это вслух. Хватит с меня предположений. Я предполагала той ночью, что он влюблен в меня, но, очевидно, предполагала неверно. И я не повторю этой ошибки.

– Ну, не знаю. Как насчет того раза, когда ты проснулась в моей постели голая?

Его глубокий голос бьет меня прямо в грудь.

– Если тебе есть что сказать, давай. – Мой тон тверд, как чувства, месяцами погребенные, а теперь – всплывающие на поверхность.

Он притормаживает на светофоре и поворачивает налево, ничего не ответив.

Ну, мать его, идеально.

– Все нормально, Джастин. Мы не обязаны ни о чем говорить.

Я откидываю голову на подголовник и закрываю глаза, тогда как сердце нервно бухает в груди.

Глава 9. Разбитые сердца и нарушенные обещания

Джастин

Что ж, это интересный поворот событий. Мой текущий статус? Рядом со мной в кабине темного внедорожника сидит пьяная Элиза, и мы через весь город едем к ее квартире.

Откинувшись на подголовник, она шумно вдыхает и выдыхает.

– Тут пахнет тобой.

Я смотрю растерянно.

– Хм… моя спортивная сумка лежит сзади, так что я полагаю, это не комплимент. – Хоккейная сбруя пахнет хуже всего на свете, и я уже готов принести извинения, но она качает головой.

– Нет. Тут пахнет твоим одеколоном. Hermus Woods, верно?

Я киваю. Откуда, мать ее, она знает марку моего одеколона?

Я крепче сжимаю руль.

Элиза смотрит в окно, задумавшись, тогда как я сосредоточен на том, чтобы не разбить машину. Это кажется нереальным – находиться с ней рядом после стольких месяцев, и слова Оуэна предупредительно звенят у меня в голове.

У меня привстал с того момента, как она вышла за мной из бара, как будто мой член помнил наш последний раз вместе и готов был ринуться в игру прямо со скамейки запасных. И тот факт, что она все еще сидит тут, вдыхая мой запах, будто это ее личный вариант рая, не помогает делу.

Мы наедине плюс алкоголь – вот почему все пошло не так в прошлый раз. Я не могу позволить себе повторить наши ошибки. Я только что сказал ее брату, что не позволю, чтобы с ней случилось что-нибудь плохое. А я – это все плохое, что с ней может случиться. Но черт меня подери, если я не хочу прижать ее к себе. Я борюсь с искушением ехать медленнее, только чтобы продлить время наедине с ней. Это странно, знаю.

Удовлетворившись найденной радиостанцией, она оставляет в покое приемник и откидывается на сиденье, положив руки на бедра.

– Так этот разрыв… – Я пытаюсь вести светскую беседу. – Ты в порядке?

Она глубоко вздыхает и качает головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/rayan_kendall/igra-v-oborone

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити